

Научная статья

УДК 323.28-058.56:325.11:651.531.16(47 + 57)(093)

doi: 10.17223/19988613/98/15

Личные дела спецпереселенцев как исторический источник

Валерий Николаевич Уйманов

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск, Россия, ujmanov@tomskmuseum.ru

Аннотация. Рассматриваются учетные материалы правоохранительных органов на спецконтингенты, в частности личные дела и учетные карточки на спецпереселенцев, в архивах МВД России. Их изучение даст возможность определить потоки переселений и депортаций, национальный и количественный состав переселенцев, места их проживания до и после переселения, внести ясность в иные вопросы. Анализ информации дел спецпереселенцев позволяет сделать вывод о достаточно высокой степени ее достоверности и объективности.

Ключевые слова: репрессии, спецпереселенцы, личные дела спецпереселенцев, характер обвинения, Западная Сибирь

Для цитирования: Уйманов В.Н. Личные дела спецпереселенцев как исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 127–132. doi: 10.17223/19988613/98/15

Original article

Identification record of “special settlers” as a historical source

Valeriy N. Ujmanov

Tomsk Regional Local Lore Museum named M.B. Shatilov, Tomsk, Russian Federation, ujmanov@tomskmuseum.ru

Abstract. The theme of resettlement and deportation of peoples of the USSR is still not explored enough although there are a lot of documents and scientific publications. However, this repression was the most massive. For ages, Siberia had been the place for deportation of unwanted people for the existing government. It had continued in the soviet period of the country. In the 1920s political exile was the most popular method of dealing with opponents of the Bolsheviks. In Tomsk region (in modern borders) in 1930-1931, 363,238 people or 83,457 families had been resettled. In the first half of the 1930s minor deportations happened. It was done during the pasportisation campaign or eviction of the Roma families from the Moscow region. On the eve of Great Patriotic War, tens of thousands of people were deported from western regions of Ukraine, Belarus, Baltic states and Poland. During the war and after the deportation continued. As of 1 July 1953, there were 79,926 emigrants from different countries living in the region.

Tomsk regional museum of local culture implements the project "Siberian special resettlement". This project is dedicated to exiled Soviet citizens and foreigners in the Tomsk region. 21,303 biographies of 61,997 people are published. 15,668 men, 5,535 women, 40,774 children and other family members are named. This search will allow us to carry out researches considering national and social signs, places of exile, follow-up relocation, nature of the charge, family structure, etc. The files are full of different information considering categories of resettles.

This work provides reliable information about the flow of "special settlers" and deportees, their placement before moving and after, the reasons for resettlement, their nationality (already known more than 60 representatives of different nations living in the USSR and abroad), the age structure - all this will clearly determine the number of "special settlers" throughout the country. It is important to remember that there were a lot of representatives of the scientific and artistic intelligentsia leaders of political parties. The lives of those people were very important for society.

Personal and official correspondence in the form of requests (letters and statements) to authorities and administrations, national leaders, which reveal the living conditions and situation of this period, is of particular interest. In addition, there are other documents that characterize the defendant in the case. This work helps to understand that the cases of "special settlers" consist of objective and reliable information, while the cases of repressed people are falsified.

Keywords: repression, special settlers, personal files of special settlers, nature of the charges, Western Siberia

For citation: Ujmanov, V.N. (2025) Identification record of «special settlers» as a historical source. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 127–132. doi: 10.17223/19988613/98/15

В Советском государстве доступ к архивным материалам, связанным с массовыми репрессиями, был ограничен, и общество не знало, что происходило в стране на протяжении десятилетий, когда миллионы соотечественников были объявлены «врагами народа» либо их «пособниками», а формулировка «десять лет без права переписки» означала на деле смерть человека.

Доклад на XX съезде КПСС Н. Хрущева, осудившего культ И. Сталина, вызвал шок во многих странах мира, но о репрессиях если и говорили, то осторожно, «с оглядкой». Этой теме избегали, в обществе сохранялось чувство страха, поразившего население страны в прежние годы. Лишь немногочисленные произведения и фильмы затрагивали эту трагическую страницу отечественной истории, научных исследований данной проблемы не велось, и даже на юридических и исторических факультетах вузов эти события обходили стороной.

«Шлюзы» приоткрылись в годы перестройки, когда в журнале «Известия ЦК КПСС» начали публиковать материалы об отдельных политических процессах, преимущественно довоенного периода, и реабилитации их участников. И только после выхода Указа Президиума Верховного совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий 30–40-х – начала 50-х годов» в ходе кампании по реабилитации появилась возможность доступа к архивам партийно-советских и правоохранительных органов, материалам, связанным с необоснованными репрессиями по отношению к собственному народу.

Начавшийся очередной этап реабилитации жертв репрессий поднял на государственном уровне вопрос увековечения памяти репрессированных, одной из форм которого стало издание Книг Памяти. Инициаторами этой работы вступили сотрудники Управления КГБ СССР по Томской области, выпустившие в 1991 г. первый том книги «Боль людская». Впервые, тогда еще в СССР, были официально опубликованы многотысячный список жертв массовых репрессий и документы, раскрывавшие механизм фальсификации следственных дел. Инициатива томичей была поддержана, и приказом по Агентству федеральной безопасности России № 13 от 4 ноября 1991 г. все территориальные органы госбезопасности обязывались приступить к работе по изданию Книг Памяти в своих субъектах.

В научной среде к появлению таких Книг отнеслись скептически, возможно, по причине неверия, что это не очередная «кампания», а системный процесс. Разгорелись споры, можно ли считать их историческим источником, так как отсутствовали первоисточники представленной информации, не были соблюдены формальные характеристики источника. Однако последующие события привели к признанию Книг Памяти в качестве нового вида исторического источника. К настоящему времени в стране издано более 1 000 Книг Памяти (по местам репрессирования, местам рождения, вероисповеданию, по признакам национальной, социальной или профессиональной принадлежности и др.), в электронную базу данных внесены более 3 млн имен репрессированных.

Книги разнятся по формату, содержанию, тиражам, составу авторских коллективов, но все выполняют главную задачу – восстанавливают, какой бы страшной она ни была, историческую правду. Сотни тысяч россиян смогли узнать о судьбах родных и близких им людей, а кто-то – и места их упокоения.

Основой для опубликования списков репрессированных стали архивно-следственные дела, хранившиеся в архивах органов госбезопасности. Но о гораздо большем числе пострадавших от репрессий информация содержится в архивах управлений МВД, например в делах спецпереселенцев.

Замечу, что Сибирь веками была местом ссылки неугодных режиму лиц. В советский период эта практика была продолжена, менялись только цели и задачи. Если в 1920-е гг. преобладала ссылка преимущественно оппонентов большевиков – представителей различных партий и движений, и уголовная, то на рубеже 1930-х гг., в период коллективизации и раскулачивания, возобладала задача экономического освоения региона. Так, только в 1930–1931 гг. в Западной Сибири было расселено 363 238 спецпереселенцев, или 82 457 семей, 284 146 чел., 78,22% из которых были направлены на сельскохозяйственное расселение в Нарым и северные районы края [1. С. 219]. Для первой половины 1930-х гг. были характерны и более мелкие депортации – в ходе паспортизации населения или, например, выселение более 1 000 цыганских семей из Подмосковья.

Накануне Великой Отечественной войны в Западную Сибирь были депортированы десятки тысяч граждан из Польши, Прибалтики, западных районов Украины и Белоруссии, – только «осадников» и беженцев 37 840 чел., а еще 48 364 чел. в результате «чисток» в приграничных районах СССР прибыли в мае–июне 1941 г. [2. С. 272, 277–279]. В годы войны и в последующие годы в регион продолжали ссылать десятки тысяч человек. Так, в Томской области на 1 июля 1953 г. были расселены 79 926 спецпереселенцев (22 688 мужчин, 35 688 женщин и 21 916 детей) разных национальностей [3. С. 324].

Одно это предполагает наличие особенностей оформления и содержания дел спецпоселенцев. Данные дела менее информативны, чем следственные дела, но их проработка позволит решить целый ряд вопросов, остающихся «белыми пятнами». Во-первых, получить представление о потоках спецпереселенцев и их расселении на территории субъектов, в том числе исходя из их национальной и конфессиональной принадлежности, социального положения, характера обвинения; во-вторых, внести какую-либо ясность в вопрос их численности, ведь значительная часть спецпереселенцев стала таковыми за совершение тяжелых уголовных преступлений, что не позволяет относить их к числу жертв необоснованных репрессий; в-третьих, более тщательно рассмотреть вопрос их реабилитации и восстановления социальной справедливости путем опубликования их имен.

Оформление дел разных категорий спецпереселенцев различно по форме, содержанию и информативности. Наибольшую сложность при обработке представ-

ляют дела периода коллективизации и раскулачивания. Чаще всего они представляют собой бессистемный набор различных справок и документов, исполненных (часто на обороте каких-то документов прежних лет, а то и по газетному тексту) с большим количеством орфографических ошибок (затруднено прочтение установочных данных, мест рождений и т.д.), отсутствием анкетных данных (требуется значительные временные затраты на поиски, например, состава семей или судебных членов).

В делах более поздних потоков переселения уже просматривается системность в наборе документов: достаточно часто имеются фотография, анкета с подробными сведениями о человеке и членах его семьи, близких родственниках, указываются места проживания (до высылки и в ссылке), время высылки, различного рода подписки, уведомления, выписки из решений «троек» и иных репрессивных органов о назначенном наказании (часто с указанием причины) и др.

Минимальный набор документов характерен для дел на членов семей изменников Родины (ЧСИР). Обычно в деле имеются выписка из Постановления ОСО НКВД СССР, заключение какого-либо репрессивного органа, констатировавшего факт «измены Родины» главой семьи и характеризующего состав семьи «изменника» с выводом о необходимости их высылки в отдаленные районы страны. В отдельных случаях семью или отдельных ее членов не высылали, но такую избирательность понять сложно, скорее всего, играл роль «человеческий фактор» – позиция тех, кто вел дело и готовил документы. Учитывались сведения о наличии (отсутствии) в семье ЧСИРа кого-либо, проходившего службу в Красной Армии или награжденного орденами и медалями СССР, проживании ЧСИРов совместно с изменником. Окончательное решение о необходимости (отказе) высылки оформлялось мотивированным заключением органа НКВД.

Также в дела вшиты справки о составе семьи, об этапировании, «Открытый лист» с кратким описанием сути события и данными на высылаемых, обязательство о невыезде с места поселения, формализованный бланк «Удостоверение (взамен паспорта)» и справка об освобождении.

Дополнительную информацию можно получить из материалов служебной переписки – о местах расселения (реже о местах работы и занимаемых должностях, что важно для подтверждения трудового стажа; обращения с такими просьбами встречаются до настоящего времени), перемещениях в ссылке, освобождении из ссылки, рождении (смерти) членов семьи в период ссылки. В ряде дел на спецпереселенцев можно встретить какие-либо сводные данные о контингентах высылаемых (высылаемых). Так, в деле на А.В. Степанова есть постановление, утвержденное начальником СПО УНКВД ЗСК Жабревым, о высылке в Нарымский округ 22 человек (с указанием Ф.И.О.), осужденных «за содействие к-р. зиновьевской группе», прибывших в г. Новосибирск спецконвоем из г. Ленинграда. В этом же деле есть информация из Нарымского окротдела УНКВД по ЗСК, что данные лица к месту ссылки на конкретную дату еще не прибыли [4].

Среди материалов (в ряде дел) несомненный интерес вызывают Меморандумы по следственному делу, в которых кроме установочных данных на фигуранта с указанием социального происхождения, места работы и должности, семейного положения и других сведений дается краткая характеристика его «враждебной деятельности». Например, у Ф.М. Осипова, обвиняемого по ст. 58-10, 11, 7, 9 УК РСФСР, вывод был сформулирован следующим образом: «Является членом к/р диверсионно-вредительской организации, состоящей из бывших офицеров, жандармов, полицейских и проч. к/р элементов, действовавшей в Севзаптранслесе г. Ст.[арая] Русса и на транспорте. Систематически вел а/с [антисоветскую] агитацию и принимал активное участие в совершении вредительских действий» [5].

Обвиняемому по ст. 58-10-11 УК РСФСР И.И. Кокорину инкриминировали, что «он входил в к-р. эсэровскую Викжелевскую ячейку ст. Бабаево Мурманской ж.д., ставившей своей целью активную борьбу с Соввластью, путем устройства вредительских актов на дороге, создание искусственных трудностей в работе транспорта, развала трудовой дисциплины и призыва рабочих к забастовкам, противодействия проведению коллективизации и развала колхозов, организации в последних к-р. ячеек и дискредитации местных партийных и профессиональных органов» [6].

Такого набора обвинений в годы «Большого террора» было бы достаточно для вынесения приговора к высшей мере наказания – расстрелу, но в 1933 г. Ф.М. Осипов и И.И. Кокорин «тройкой» ПП ОГПУ по ЛВО были осуждены к высылке в Западную Сибирь сроком на 5 лет. Однако такие документы дают возможность сделать определенный вывод о системе и механизме действий репрессивной машины в зависимости от политических «веканий» и решений большевистского руководства страны.

В ряде дел встречаются письма и обращения поселенцев в органы власти и правоохранительные структуры с просьбами различного характера, что позволяет получить дополнительные сведения об обстановке тех лет, самом спецпереселенце и членах его семьи, о реакции органов власти на подобные обращения (не всегда их просто подшивали к делу). Подтверждением этому может служить заявление от окончившего Ленинградскую консерваторию бывшего певца «(серьезного плана) Ленинградской Государственной Эстрады» Константинова Н.Л., направленное на имя И.В. Сталина (орфография сохранена. – В.У.):

«Первому Депутату Верховного Совета СССР Великому Гуманисту человечества Иосифу Виссарионовичу Сталину от простого человека и гражданина Константинова Николая Леонтьевича, прожив. Томская обл. г. Колпашево (указан адрес. – В.У.)

Заявление

10 февраля с/г., все как один, явямся на избирательные участки и отдадим свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. То же самое сделаю и я. Но идя на выборы депутатов в Верховный Совет, я хотел бы быть совершенно чистым и снять

с себя тяжелое и позорное клеймо – “ссылный”. Здесь в Колпашево этого сделать никто не может, ибо я являюсь поднадзорным. Срок моей ссылки был определен заочно решением ОСО при НКВД в пять лет и оканчивается он 1/VII 46 г. ... В виду начавшейся войны дело мое в Ленинграде не разбирали, а срочно этапировали в Златоустовскую тюрьму НКВД, где велось следствие по моему делу...

Пока шла ожесточенная война с фашистской Германией, мной никто не интересовался, несмотря на мои обращения и заявления. Только тов. Берия – по моему заявлению – распоряжением в РО НКВД с. Александрово перевел меня в Колпашево для работы в театре драмы – по специальности...

Пока я жил в Ленинграде я очень мало читал о Нарыме, как месте ссылки политических, но здесь я перечитал о ссылке наших лучших борцов за революцию тов. тов. Свердлова, Куйбышева и Вас – я понял, что в ссылке люди закаляют свой дух и волю для борьбы за свободу и независимость угнетенных народов. Мне же советскому человеку, отдавшему всего себя делу культурной революции – эта ссылка очень тяжела...

Советская власть – моя власть. Коммунистическая партия – моя партия (хотя я и беспартийный). Советский народ и советское государство – мои.

Окончилась война полным разгромом фашистов. Народы торжествуют победу над врагами. А я остаюсь в неизменном состоянии – ссылного и терпеливо жду ее окончания. Вот почему я и обращаюсь к Вам Великому Гуманисту и Первому Депутату о досрочном снятии с меня клейма “ссылного”, дабы я равноправным гражданином отдал свой голос в день 10 февраля за свою Верховную Советскую власть».

Заявление было зарегистрировано в Секретариате ЦК ВКП(б) и направлено в НКВД СССР, откуда было перенаправлено в Томскую область для подготовки заключения о возможности досрочного освобождения Константинова Н.Л. из ссылки [7].

В другом случае обращение спецпереселенца, поступившее на имя депутата Верховного Совета РСФСР, члена-корреспондента Академии медицинских наук Д.Д. Яблокова, было направлено Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику [8. Л. 5–9].

О принятых решениях заявители информировались в обязательном порядке, о чем имеются отметки в материалах дел.

Следует заметить, что работа с делами спецпереселенцев требует внимательности и терпения, так как подчас сложно разбирать написание фамилий, имен, отчеств, мест рождения и высылки, мест работы. Причина кроется в тех исполнителях, кто вел дела и заполнял анкеты, их грамотности и добросовестности. Не всегда можно выявить точное место проживания в ссылке (обычно упоминается район, сельсовет). Места работы и должности указывали лишь некоторые коменданты при оформлении разного рода подписок и уведомлений, либо выявить эту информацию можно через официальные обращения ссылных (письма в органы власти и правоохранительные структуры, заявления), в редких случаях необходимую информацию

можно встретить в служебной переписке. Тем не менее районы расселения определяются четко.

Иногда сложно отследить путь попадания людей в ссылку. Обычно это касается тех, кто был арестован накануне Великой Отечественной войны. Часть из них отправлялась непосредственно в ссылку, а других сначала эвакуировали в тыловые районы страны, преимущественно в лагеря или тюрьмы отдельных городов, чаще всего Урало-Сибирского региона, где они дожидались решения своей судьбы, а только потом направляли к месту поселения. В этих случаях сложно определить дату прибытия к месту ссылки, так как решения по ним чаще всего выносились ОСО НКВД СССР только через несколько месяцев, иногда почти через год, когда человек уже находился на месте поселения. В послевоенный период такой механизм был применен и при выселении отдельных категорий населения из районов Закавказья.

Что касается членов семей сосланных, то в делах не всегда имеются точные данные, особенно по детям. Обычно в анкетах указываются имена и даты рождения, но встречаются дела, где можно встретить записи «следуют двое детей», «с тремя детьми» и т.д., либо в постановлении указывается, что на иждивении находится столько-то детей, но в материалах дела их судьба никак не отражена. Иногда установить имена детей удастся по иным документам из дела.

В ряде случаев невозможно установить дату смерти спецпереселенца или члена (членов) его семьи. Если в одних делах есть формализованные бланки ЗАГСа о смерти и ее причинах либо справки какого-либо иного официального органа с указанием даты смерти, то в других факт смерти подтверждался протоколами допросов свидетелей с формулировками, что проживали или работали вместе, а такой-то (имярек) потом умер, обычно указывается время года – зимой, весной и т.д.

Сложно работать с делами на членов семей изменников Родины, настолько эта категория дел оказалась разнообразной. Значительная часть дел касается тех, чьи мужья или члены семей сотрудничали с фашистами, служили в немецкой армии и созданных немцами органах власти: в полиции, старостами и т.п. В ряде дел хранятся материалы, в том числе исполненные собственноручно сосланными, подтверждающие их участие в репрессиях против мирного населения на оккупированной территории. Часть дел касается семей парашютистов-диверсантов, завербованных фашистами, задержанных или убитых при задержании (в местах десантирования, боестолкновениях и других случаях). В одном из таких случаев диверсантом оказался мужчина еврейской национальности, что с учетом позиции фашистов по отношению к евреям было случаем необычным, но, видимо, на это и делался расчет. Ряд дел касался ухода за границу военнослужащих еще до начала Великой Отечественной войны. Ценность этих дел – в достаточно большом объеме информации, в частности характеризующей обстановку тех лет.

Несмотря на сложности, дела на спецпереселенцев позволяют получить обширнейший материал по событиям тех лет. Подтверждением ценности таких дел как исторического источника могут служить первые ре-

зультаты реализуемого Томским областным краеведческим музеем им. М.Б. Шатилова проекта «Сибирские спеццы», посвященного сосланным и депортированным на территорию современной Томской области гражданам СССР и иностранцам. За полтора года работы (с учетом ограничений по пандемии) на сайте музея «Следственная тюрьма НКВД» опубликованы 21 303 биограммы на 61 997 представителей 60 наций и народностей.

Названы имена 15 668 мужчин, 5 535 женщин, 40 774 детей и иных родственников (родители, братья, сестры, золовки, деверы и т.д.), ставших «невольными сибиряками» в угоду реализации государственных интересов партийно-советского руководства СССР. Среди высланных более 10 человек родились еще в первой половине XIX в., т.е. им было не менее 85 лет.

Немаловажным фактором организации исследований в данном направлении является возможность определения объективных данных о количественном составе спецпереселенцев. Так, в процессе работы с личными делами были выявлены факты двойного и даже тройного учета переселенцев: при новой высылке в другой регион дело переселенца не сдавалось в архив, а по прибытии на место переселения заводилось новое. Кроме того, выявлено уже более 570 случаев репрессирования спецпереселенцев на территории области в годы «Большого террора» по ст. 58 УК РСФСР, а заводившиеся на них следственные дела хранятся в архиве Управления ФСБ. Однако при формировании списков жертв репрессий и создании автоматизированных баз данных в других регионах страны это не учитывается.

Одновременно создается автоматизированная база данных, что позволит проводить исследования по национальному составу, образованию, партийности ссылаемых, местам высылки и поселения, периодам репрессий, по органам, принимавшим решения о высылке, срокам наказания, характеру обвинения, составу семьи, судьбам (осуждение, освобождение, смерть), реабилитации – всего 20 позиций.

Особый интерес вызывают формулировки «Характера обвинения» (выявлено более 60) – кулаки и члены их семей, выселенцы различных национальностей (немцы, калмыки, латыши, литовцы, эстонцы, турки,

ассирийцы и др.) и члены их семей, руководители и активисты антисоветских организаций и политических партий, политические деятели и члены правительств отдельных государств, известные ученые и деятели культуры, националисты и их пособники, сектанты, ЧСИРы (семьи полицейских, старост и других лиц, сотрудничавших с фашистами в период оккупации, но были среди них и учителя, работавшие в школах, медработники, оказывавшие хоть какую-то помощь мирным жителям, и те, кто выходил на работу с одной целью – прокормить семью и т.п.). У целого ряда спецпереселенцев формулировки обвинения – «немецкий агент», «каратель», «власовец», «член банды террористов», «полицай», «изменническое поведение» или «изменнические намерения» и др. Судя по материалам дел, эти люди должны были понести более суровое наказание и отбывать его где-нибудь в отдаленных исправительно-трудовых лагерях, но направлялись в ссылку. Однако отсутствие в делах сведений, раскрывающих суть обвинения, позволяет только домысливать – скорее всего, их вина не была доказана, но дело-то было органами заведено и должно было быть реализовано. Возможно, отдельные фигуранты в субъектах, где были арестованы и осуждены, реабилитированы.

Анализ работы с делами на спецпереселенцев позволяет сделать вывод, что в отличие от дел на лиц, репрессированных по политическим мотивам (осужденным по ст. 58 УК РСФСР), излагаемые в делах сведения содержат более объективную и достоверную информацию, так как обычно просто констатировали складывавшуюся ситуацию; фальсификации, как это было в следственных делах, не требовалось.

Таким образом, опыт работы с делами на спецпереселенцев показывает, что вне поля зрения исследователей темы массовых репрессий все еще остается непроработанным огромный пласт документов, работа с которыми позволит решить названные выше задачи и ответить на иные вопросы, ясность по которым еще не внесена, уйти от бытующих предположений и домыслов, получить объективную информацию, позволяющую полнее и глубже осознать страшный опыт недалекого прошлого, чтобы выработать механизм недопущения подобного в будущем.

Список источников

1. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ЭКОР, 1994. 310 с.
2. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 440 с. (История сталинизма).
3. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.
4. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 3847.
5. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 3737.
6. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 3734.
7. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 1633.
8. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 5160.

References

1. Krasilnikov, S.A., Kuznetsova, V.L., Ostashko, T.N. et al. (1994) *Spetsperselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1933–1938 gg.* [Special Settlers in Western Siberia. 1933–1938]. Novosibirsk: EhKOR.
2. Papkov, S.A. (2012) *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN.
3. Uymanov, V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo... (Zapadnaya Sibir' v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov)* [Repressions. How It Was... (Western Siberia in the Late 1920s – Early 1950s)]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 3847.
5. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 3737.
6. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 3734.
7. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 1633.
8. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 5160.

Сведения об авторе:

Уйманов Валерий Николаевич – доктор исторических наук, заместитель директора Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова (Томск, Россия). E-mail: ujmanov@tomskmuseum.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Uymanov Valery N. – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of the Tomsk Regional Museum of Local Lore named after M.B. Shatilov (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ujmanov@tomskmuseum.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 17.10.2022; accepted for publication 15.11.2025